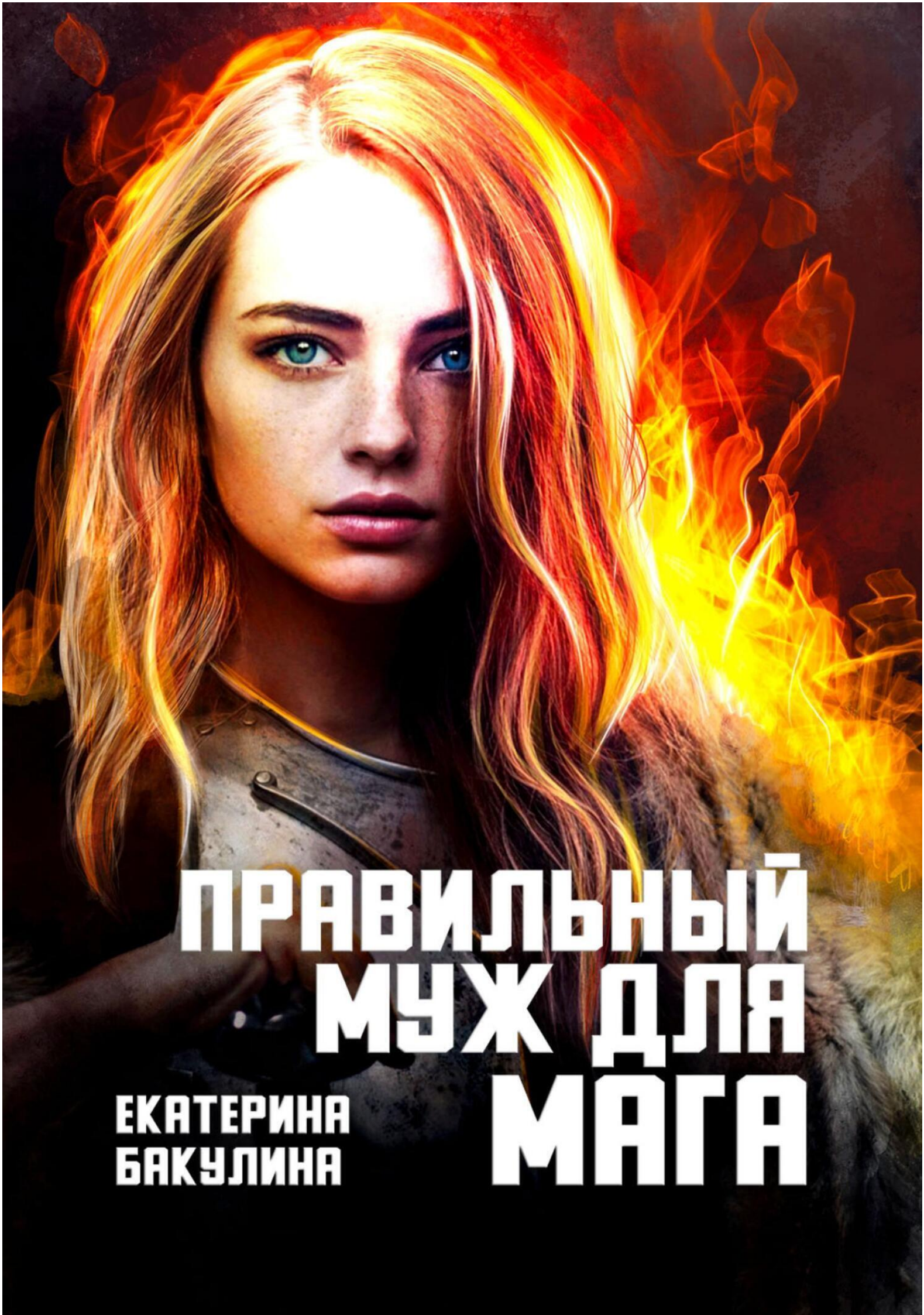

ПРАВИЛЬНЫЙ МУЖ ДЛЯ МАГА

ЕКАТЕРИНА БАКУЛИНА

Екатерина Бакулина

Правильный муж для мага

«Автор»

2023

Бакулина Е.

Правильный муж для мага / Е. Бакулина — «Автор», 2023

"Муж боевого мага" и "Муж штатного некромантна" - две короткие истории цикла под одной обложкой.1.Своего я подцепила на болоте. Или это он меня подцепил? Ну, как подцепил? Он мне пирожки принес и я не смогла устоять.Что общего может быть у опытного боевого мага и сына трактирщика, главный талант которого – печь пирожки? Ничего общего, кажется. Не знаю, как это вышло. Знаю только, что встреча с ним перевернула всю мою жизнь.2. Своего я встретила в морге. Конечно, где же еще, я больше никуда не хожу. Он на опознание пришел… но так вышло, что опознали его… И как-то так завертелось. Он талантливый музыкант, первая скрипка, почти знаменитость. Кроме музыки в его жизни ничего нет. Я – штатный некромант полицейского участка. Так себе некромант, честно сказать, средней руки. Но и в моей жизни нет ничего кроме магии. Я давно забила на личную жизнь. Но вот… судьба распорядилась иначе.

© Бакулина Е., 2023
© Автор, 2023

Содержание

Муж боевого мага 5
1 6
2 9
3 12
4 16
5 20
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Екатерина Бакулина
Правильный муж для мага

Муж боевого мага

Своего я подцепила на болоте. Или это он меня подцепил? Ну, как подцепил? Он мне пирожки принес и я не смогла устоять.

Что общего может быть у опытного боевого мага и сына трактирщика, главный талант которого – печь пирожки? Ничего общего, кажется. Не знаю, как это вышло. Знаю только, что встреча с ним перевернула всю мою жизнь.

1

Своего я подцепила на болоте.

Или это он меня подцепил?

Ну, не то, чтобы подцепил… как бы сказать? Он мне пирожки принес.

Вот придурок.

На нас как раз болотники поперли второй волной, а тут он.

Когда Патрик увидел, что какая-то неведомая хрень ломится через наш щит, он аж дышать перестал, замер. Потому что если прорвет защиту, то все, хана. Болотники нас сожрут, щит и так от напряжения уже потрескивает, Патрик его держит из последних сил. А от всех разом нам не отбиться. Я-то больше огневик, а Патрик по щитам мастер.

А тут через наш щит ломится ЭТО… Хайме его звали. Зовут. Хайме Кормак, младший сын трактирщика. Младший-то младший, а лось такой, что прямо дрожь берет…

В тине весь, черной жиже, лица не видать. Он ж в трясину провалился, пока к нам шел, тут болота кругом. Придурок. Котомка только чистая осталась, он ее над головой держал, чтоб не замочить. Сам чуть не потонул, но пирожки вон спас. Герой! Ох. Кто ж знал тогда, что он сюда полезет?

– Бей его! Бей! Мочи скорее! – заорал Патрик, показывая пальцем. – Контур прорвет сейчас!

Еще бы не прорвет! Щит на нечисть ставлен, а этот живой человек… хоть и мозгов, как мне тогда казалось, ему не додали конкретно. Кто ж мог додуматься за боевыми магами в лес пойти?

– Бей! Бей скорее!

Ну, я и шарахнула.

Только в последний момент рука дрогнула, огненный заряд чуть в сторону ушел, только краем задело. Сомнение у меня промелькнуло.

Да и у этого еще реакция хорошая, он сам в сторону дернулся. А то б ведь сожгла на месте.

Он прыгнул, и щит его пропустил.

И Патрик снова заорал со страху.

А этот – здоровый, черный весь, какой-то бесформенный от налипшей тины, – заорал тоже. Кто ж не заорет, когда в тебя огнем швыряют? Только сначала бессвязное что-то, и только потом по-человечьи.

– Не надо! Не надо! Не бейте больше! Это я! Я вам пирожков принес!

Патрик охнул и как-то даже пригнулся от неожиданности. Уставился на него.

А я приготовилась шарахнуть снова. Кто ж его знал…

– Я Хайме! Хайме, помните? Из трактира!

Патрик выругался… затейливо так. На меня посмотрел.

А что я? У меня тут болотники наступают по всем фронтам, мне вот так, как он, охреневать некогда. Мне сражаться надо. Я только махнула рукой – потом разберусь, если живы останемся.

– Щит держи крепче! – буркнула только.

Патрик икнул и про дело вспомнил.

И этот Хайме притих. Пока болотники лезли, не закончились, он тихо сидел, прижавшись к коряге спиной, обнимая свою котомку. Только поглядывал на все настороженно.

До сих пор не понимаю, как он к нам дошел. Там же этой нечисти на болотах… как грязи. Бегает он, что ли, так быстро? Или везет несказанно? Просто трындец как несказанно везет.

Но кто ж теперь разберет.

И только когда болотники закончились, когда последнего испепелила, я обернулась к нему.

Только Патрик успел первый обернуться.

– Смотри-ка, вроде человек! – сказал Патрик, разглядывая Хайме с безопасного расстояния, вытянув шею. – А я уж подумал, может, морок какой? Выползень. На болотах случается. Но нет, смотри Мира, у него и аура и энергетический фон как у нормального.

А он ненормальный. Однозначно.

– Ты палочкой его потыкай, – предложила Патрику.

Ну, Патрик и взял палочку. Просто малость не в себе после такого.

– Пат!

Он вздрогнул, на меня посмотрел. Бросил. Выругался снова.

А этот… Хайме… я тоже присмотрелась, прищурилась. Аура у него нормальная, а с энергетическими полями я как-то не очень. Патрику поверю.

– Я тут это… – Хайме решил голос подать, вышло у него хрипловато и сдавленно. – Леди Мирцелла, я вам тут пирожки принес. Подумал… – и кашлянул. Правильно, нихрена он не думал, когда сюда понесло. – Подумал, что вы же голодные тут. Еще затемно ушли, и целый день на ногах… Вам ведь силы подкрепить надо.

Никаких сил с ним не хватит.

Он попытался встать, пошатываясь. Повело его. Охнул, за корягу ухватился. Думаю, вот только тут, запоздало, нервы у парня сдавать и начали, когда всю картину осознал. Но встать – встал. Котомку протянул. Руки только дрожали.

Мы с Патриком переглянулись.

– Возьми? – предложила я.

– А че я-то? – удивился Патрик. – Он тебе принес.

– А ты разве пирожки не хочешь? – в ответ удивилась я.

Хайме попытался было шагнуть к нам, но мы с Патриком разом попятились, не сговариваясь.

– Да что вы? – не понял Хайме, обиженно вышло.

Да ничего как-то… Но кто же знает? Я в своей жизни чего только не повидала. Но такое – впервые.

– А может, все же шарахнешь его? – осторожно спросил Патрик. – Для верности. А если чего, потом в деревне скажем, что болотники сожрали.

– Эй, да вы что… – Хайме только сейчас понял, попытался было пятерней лицо оттереть, но не вышло, засохло уже, плохо поддавалось. – Вы что, испугались меня, что ли? Это ж я…

Испугались.

Вот тут я вздохнула тяжело, решительно подошла и взяла у него пирожки. Ибо негоже боевым магам всяких безмозглых выползней пугаться.

В котомку заглянула.

Действительно пирожки. Плотненько так лежат. Сверху в промасленную тряпочку завернуты, а под ней в чистое полотенчико. Тепленькие.

А пахнут-то так, что голова закружилась.

Патрик мне через плечо заглянул.

– Пирожки? – уточнил он.

– Пирожки, – согласилась я и от одного откусила. Ох, ты ж… – А знаешь, Пат, я, пожалуй, с тобой делиться не буду. Это мои пирожки. Я их сама добыла.

Вкусные, мать их! Сил нет. С капустой.

И этот, Хайме, довольно заулыбался, глаза под черной коркой грязищи засияли.

* * *

Сначала, признаться, я думала, парень какой-то больной, умственно отсталый. Ну как же можно так было?

Но ведь нет же. Мы шли, и на обратном пути он разговаривал довольно здраво. Адекватно разговаривал. Потом кое-как умылся в ручейке… Ма-ать его… Я, все же, по нему слегка задела тем ударом. Грязища коркой запеклась и от огня защитила, но заметно все равно. Рожа вся красная, может и волдыри пойдут…

– Болит? – спросила я.

Он только головой мотнул.

Конечно, так ему и поверила.

– А ну сядь, – велела я. – У меня мазь хорошая есть от ожогов. Только сначала нормально смыть все надо.

Взяла полотенце, намочила в ручейке.

Больно, конечно. Когда я до кожи дотрагивалась, хоть и старалась очень осторожно, но он вздрагивал, губы дергались. А как мазать начала… да, я знаю – мазь щиплет, зато и помогает потом хорошо… так он даже зажмурился, губу закусил. Но молчал, надо отдать должное. Только шипел тихо-тихо. Помню, как-то Патрика мазала, так он орал, отбивался и чуть меня не покусал. А этот ничего.

– Как же тебя угораздило? – вздохнула я, домазывая последнее. – Это ж как должно было такое в голову прийти?

Он вздохнул тяжело.

– Прости, глупо вышло.

– Не то слово! – подтвердила я.

И он еще тяжелее вздохнул.

– Понравилась ты мне, – сказал хрипло, немного виновато. – Решил приятное сделать.

Вот молодец, ничего не сказать! Охренеть как приятно посреди боя выползней наблюдать!

Патрик там сзади начал мерзко подхихикивать.

Я…

Понравилась… Вот дурак же.

Ох, а брови парню совсем спалило. И ресницы тоже… так себе. Хорошо хоть глаза целы. Кожа облезать будет.

А так-то ведь симпатичный, – внезапно подумала я. Симпатичный такой парень. Здоровый, крепкий… глаза голубые… мозги б ему…

2

– Потанцуем? – предложил он.

Последний вечер в деревне, праздновали окончание нашей работы и что всех болотников по местным болотам подчистили. Заплатили нам хорошо… вообще-то нам Управление за работу платит, но и местные часто еще подкидывают, в благодарность, дело ж такое… Мы им дополнительно, по мелочи, бывает, помогаем всяким.

А тут еще небольшую вечеринку устроили – выпивка и танцы.

И этот вот – подошел. Сын трактирщика, мастер пирожков и бараньих ребрышек в меду. Вся рожа в красных пятнах и струпьях от моего огня. Красавец! Загляденье просто.

– Я не танцую, – сказала ему, из кружки эля отхлебывая.

– Почему? – спросил он.

– Не люблю.

Он моргнул, губы поджал. Не обиженно, как-то задумчиво у него вышло.

Засопел, так эти раздумья ему тяжело давались.

– Уезжаешь? – сказал он.

– Уезжаю, – согласилась я.

– А если у нас снова болотники заведутся, приедешь еще их бить?

– Не заведутся, – сказала я. – Мы их подчистили основательно. Нам репутация дорога. Но если заведутся и нас направят, то приедем. Только если заведутся снова, направят уже не нас.

– А чтоб вас прислали?

– В частном порядке тогда, за свои деньги, – пожала плечами.

Он насупился, шею сзади потер. Лапищи у него здоровые, такими не тесто месить, а головы сворачивать можно. Двумя пальцами буквально.

– Мне тут столько не заработать, – сказал он, – чтобы магов приглашать. Это в столицу ехать надо.

Я фыркнула, пожала плечами снова, эль потягивая.

– А ты собирался?

– В столицу? Выходит, придется, – сказал серьезно.

Забавный он.

– Приглашать, – сказала я. – Собирался нас снова приглашать сюда?

– Подумывал, – сказал он. – Только, пожалуй, бессмысленно это будет. Даже если найти деньги, если нанять вас с Патриком. Ну, приедете вы, побьете нечисть, и уедете снова. И все.

– А чего тебе надо?

– Хочу, чтобы ты со мной осталась, – сказал, ни капли не сомневаясь.

Вот, мать твою! Я засмеялась, у меня аж эль из носа брызнул.

– Да ты сдурел, парень? Зачем я тебе?

– Жениться на тебе хочу.

Сказал и стоит, смотрит. Руки ко мне не тянет, целоваться не лезет. Серьезно он что ли? Так ко мне еще не подкатывали, хотя повидала я немало.

– Зачем? – сказала я.

– Нравишься ты мне.

Я только фыркнула – тоже мне причина!

– А ты мне зачем?

– Буду тебе завтраки готовить, кофе варить. Я умею, ты знаешь. Вечерами, когда возвращаться будешь, стану с тобой сидеть на кухне и слушать, как прошел твой день.

– Хм, – сказала я с интересом. – Будешь мне верной женой? Дома на хозяйстве?

– Нет, – сказал он спокойно, словно я не пыталась его поддеть. – Не дома. Если в городе жить, то я пекарню открою. У меня родни много, займу на первое время, как дело вести – разберусь. У тебя свое дело, у меня свое. Пекарня, конечно, много времени отнимать будет, но ничего. Зато вечера и ночи все наши с тобой.

Я смотрела на него и… вроде не пьяный ведь, и говорит так серьезно. Вот что у людей в головах?

– Ночи? – сказала я.

– Да, – сказал он, и вот тут все же смутился, уши покраснели.

– В постель ко мне хочешь?

– А отчего бы не попробовать? – сказал он серьезно, с вызовом, аж челюсть вперед выдвинул. – Может, тебе понравится?

Вот гений-соблазнитель, мать его!

Я заржала. Так смешно стало, что прямо сил нет. Так, что даже кружку с элем недопитым ему сунула, чтобы подержал, а то разолью еще. А он ничего, стоял, смотрел как я ржу, краснел только еще больше.

И самое смешное в этом, что прямо зацепил, заинтриговал, уже думаю – отчего бы не попробовать? Что я теряю?

– А если не понравится? – спросила я.

– А ты попробуй, – упрямо предложил он.

– И чем же ты меня удивишь?

Тут он засопел сердито.

– Знаешь… – губы поджал, даже смутился. – Я конечно, как там у вас в столицах да в университетах, всяких чудес, не умею. Чем удивить? Я просто честно сильно тебя люблю.

Охренеть, как честно. И на меня смотрит. Глазки голубые… вот нравится мне, когда голубые глазки у мужика.

И вот ж, мать твою…

– Я со всякими идиотами не сплю.

Буркнула, и почти сама пожалела об этом, глядя, как у него уши огнем заливаются, как он зубы сжимает, аж до хруста, желваки на скулах.

Но не обижается и не уходит.

– Ты спишь только с теми, у кого университетский диплом есть?

Вот прямо так.

– А не обнаглел ты, парень?

Он головой покачал.

– Уточняю просто. Прикидываю, куда бы поступить смог.

И серьезно так. Я вот даже почти не сомневаюсь, что задастся целью, и куда-нибудь поступит. Не магом, конечно. Но на что-нибудь торгово-экономическое. Если не умом, так железной хваткой возьмет.

Только нахрена ж ему?

И смотрит на меня так внимательно.

– И чего по твоим прикидкам выходит? – спросила я.

– Данфордский технический колледж для начала. У меня дядя его закончил, знаю, что нужно для поступления. Дорожное строительство.

Вот те на!

– Дорожное? Потому что дядя?

– Нет, дядя дирижабли проектирует, – сказал он, прямо мне в глаза глядя. – Но дирижабли я не потяну, не мое. А дороги – это хорошее и правильное дело.

– Зачем тебе?

– Почему нет? – он пожал плечами. – Стимул чего-то достичь в жизни.

Серьезно. Мне икнулось даже. Я у него свою кружку эля отобрала, допила все одним махом, рядом поставила.

– Ты будешь учиться, а я тебя ждать?

Вот сейчас если ляпнет, что мне все равно замуж не выйти – убью на месте. Не пожалею. Потому что нечего болтать… даже если правда. Боевые маги не выходят замуж. Какая нам может быть семья?

– Маги долго живут, – сказал он. – Ты разве торопишься?

Твою ж мать.

И я понимаю, что у меня сердце начинает биться чаще. Вот что в нем? Ведь придурок же, ну…

– А поцелуй меня, – сказала вдруг, сама себе удивляясь. – Проверим, стоит ли ждать.

И он так разом, совсем ничего ждать не собираясь, берет и обнимает меня, прижимая к себе. Без всяких сомнений. Словно имеет на это полное право. А пахнет от него огнем и жареной картошкой, так просто и по-домашнему. И обнимает так нежно и горячо…

Целует в губы.

Вот тут у меня даже слегка ноги подгибаются. Вот и попала…

Он так близко, что я чувствую, как у него сердце колотится, сейчас выпрыгнет.

Целует долго, горячо и совсем отчаянно… и отпускает.

И я прям чувствую, как у меня тоже щеки прямо горят. И губы горят от его поцелуев. И внутри что-то шевелится так, сжимается, продолжения требует.

– Ну как, – хрипло говорит он, голос у него сел от волнения, – подождешь, пока я на инженера выучусь?

И где-то в глазах и в уголках губ усмешка так и играет. Вот зараза же. Видит же, что мне понравилось.

И я головой качаю. Нет.

– Не буду ждать.

Он губы облизывает…

– А сейчас? – спрашивает, кадык напряженно дергается. – Я, правда, думал, сначала потанцевать, а потом уж… но…

Как же это у него выходит?

И вдох-выдох… я смотрю на него и понимаю, что несмотря на всю дурь это серьезно для него. Вот прям все серьезно.

А он берет, и руку мне протягивает.

Рука у него большая и крепкая. Теплая такая.

Ну что я, девочка что ли, в самом деле. Первый раз, что ли? Развлечься, размяться… Да у меня таких, как он…

– Ладно, один танец, – соглашаюсь я.

А там поглядим.

3

Я уж и думать про него забыла, полгода прошло.

Было и было, подумаешь, мало ли я встречала мужиков? А как иначе? Работа у нас такая нервная, хочется расслабиться иногда. Ласки хочется… да что… Переспали разок, и ладно.

Я и забыла.

А тут возвращалась домой после двух недель в Аверсовых пещерах, усталая и злая совсем, выжатая насухо. Нелегко там пришлось. Думала, вот сейчас доберусь… ванну бы горячую, и спать. Или даже сразу спать, а ванну потом, ничего, переживу ночку грязной, как-нибудь. Сил нет.

А тут вдруг такой запах…

Пирожков.

Выпечки свежей.

Одуряющий.

Я лошадь остановила, замерла, головой покрутила.

Да, вон там впереди пекарня. И вроде раньше такой не было. Недавно открыли? И поначалу даже мысли не мелькнуло.

Взять что ли себе пару булочек для лучшего сна? Имею я право на пару булочек после работы?

Я и зашла. Лошадку привязала у входа, открыла дверь…

За прилавком мальчишка. Совсем пацан такой, лет двенадцати.

– Доброго вам вечера, миледи! – говорит. – Не хотите ли булочек с корицей? Или крендельков с орехами? Крендельки совсем горячие, только-только из печи достали. У нас самые лучшие в Ольжеге, попробуйте!

Я подошла. На запах. Пахло все это так, что я готова была идти за этими крендельками как за дудкой Гамельнского крысолова.

Пока смотрела, соображала и пускала слюни, – пацан не мешал, понимал, что наживку заглотить нужно. Пока смотрела, баба какая-то заглянула.

– Эй! – с порога заорала она. – Расстегаи мои готовы? Расстегаи-то? А-то гости скоро придут, мне на стол надо!

– Хайме! – заорал пацан. – Расстегаи для фрау Верены готовы? Она уже пришла!

– Иду! – басом отозвался тот.

И у меня аж ноги подогнулись. Все, что было – разом перед глазами пронеслось.

Так это серьезно все? На самом деле?

Или мне голову напекло и там совсем не тот Хайме, а какой-то другой? От усталости почудилось…

Тот.

Через минуту он в дверях появился. Здоровый как лось, с лукошком в руках, в лукошке, под белым полотенчиком, расстегаи, должно быть.

Синий передничек весь в муке. И в цветочек, мать его, передничек. Ромашки вышиты по краю, красивенько так. Я смотрю и не могу поверить. Хочется глаза потереть.

А он, увидев меня, заулыбался. Только не ко мне, а к бабе этой сразу.

– Ваши расстегаи, фрау Верена! Хорошего вечера вам и вашим гостям! Передавайте мужу привет. Приходите утром, я закваску на бриошь поставил, как он любит, к завтраку поспеет как раз!

И улыбается! Во все зубы улыбается так, словно безумно рад эту бабу видеть, всю жизнь о встрече только и мечтал. Профессионально.

И та ему улыбается в ответ, хотя по ней отчетливо видно, что улыбаться не привыкла.

– Вот спасибо, мил человек! – и лукошко с расстегаями к себе прижимает. – Обязательно завтра загляну! Вкусные у тебя пирожки, давно таких не ела!

И только когда она за порог, Хайме ко мне повернулся.

Вот же зараза! Работа у него первым делом, клиенты, а я уж потом?

– Мирцелла! Ты с задания? Хочешь чаю с чабрецом? Или эля? У меня эль хороший есть.

Так просто, словно я каждый день тут хожу. Словно он меня ждал, как бабу эту…

– Ты что тут делаешь? – удивилась я.

– Как что? – удивился он. – Я же говорил, что если в город перебираться, то пекарню открыть придется. И вот.

Развел руками, показывая. Вот – пекарня.

– Ты сдурел? – У меня даже слов не было.

– А что? – не понял он. – Место хорошее, людям мои булочки нравятся. Если пойдет, то за пару лет, думаю, все что вложил – отобьется, долги отдам.

– За пару лет?!

– В нашем деле быстрых денег не бывает. Но опыт и репутация всегда работают на тебя… Пойдем, элем угощу, – он кивнул, приглашая.

Ну я и пошла, че? За элем. Надо же посмотреть.

На кухню меня привел. Тут ничего так, чистенько, аккуратно. Баночки разные по полкам. И булочками с корицей пахнет так, что слюнки текут.

– Садись, – предложил он.

– Мне домой пора, – сказала я. – Я две недели дома не была, устала очень. Помыться бы и поспать. Я… так…

Странно все это.

Чуть присела на край стола. Не рабочего, не там, где он пироги лепит, а чуть в стороне, где кастрюльки стоят.

Он мне эля налил из бочонка. Протянул.

– Знаешь, – сказал неожиданно серьезно, – я все представлял, как это будет. Вот ты зайдешь сюда и… Рано или поздно все равно бы зашла.

– И что? – сказала я.

Что-то непонятное шевельнулось внутри. Чуть напряженное и теплое вместе с тем.

Он пожал плечами.

– Пока не знаю.

– Зачем все это? – сказала я. – Потратить столько сил и денег…

Он ухмыльнулся.

– Посмотри на это иначе. Считай, встреча с тобой мне интересную идею подала. Так бы и сидел до конца дней в деревне, отцу помогал. А теперь в город переехал, свое дело открыл. Все к лучшему. Может, еще в гору пойдет. Пожелай мне удачи.

Во же ж… упрямый парень.

– Удачи, – сказала честно.

Он себе тоже эля налил. Подошел ближе.

Хороший эль, правда, не могу не признать. Темный, довольно крепкий, с горчинкой…

А Хайме стоит передо мной и на меня смотрит.

Так смотрит, что…

И я на него смотрю, разглядываю.

– А у тебя пятна от ожогов все сошли, ничего не осталось, – сказала я.

Он чуть улыбнулся, уголками губ.

– Да. Времени много уже прошло.

Смотрит. Стоит и эль свой не пьет, просто держит в руках кружку. Да так, что мне все больше неспокойно становится. Не то, чтобы я чего-то боялась… даже наоборот. Ну… давай, что ли? Ты же не эль пить меня позвал. Чего хотел-то?

– Как твоя работа? – спросил он, только не очень уверенно у него вышло. Не то.

А ведь в прошлый раз, там, на сеновале, мне понравилось. Я бы не отказалась и повторить. И не нужно мне никаких дипломов, другое нужно.

Странно все это, конечно… Но отчего бы и нет?

Отхлебнула еще эля, для верности. Потом поставила кружку на стол. Шагнула к нему ближе.

– Хорошо у меня работа, – сказала, глядя ему в глаза снизу вверх, он здоровый. – В пещерах охотились. Патрику чуть ногу не оторвало, но он живучий парень…

Хайме стоял и смотрел. Серьезно так. Молча. Кивнул только.

– А ты? – сказала я тогда. – Давно пекарню открыл?

Он помотал головой.

А потом осторожно протянул руку, коснулся пальцами моих губ… сверху.

– У тебя немного пены тут… от эля… – А потом наклонился и поцеловал.

Вот! Так я и знала, что этим кончится. Ну и пусть. Обняла его.

А он вдруг подхватил меня… одной рукой. В другой у него кружка еще. Как только не расплескал? Подхватил и обратно на стол усадил. Кружку поставил, кастрюльки подвинул, чтобы сидеть удобнее было. Ко мне ближе прижался.

И у меня как-то сердце заколотилось.

– Я ждал тебя, – сказал тихо, осторожно, так же кончиками пальцев, поглаживая мои волосы. Свежим хлебом от него пахло и огнем.

– А если бы я не пришла?

– Пришла бы, куда бы ты делась, – ухмыльнулся. – Тебе бы начали рассказывать, где продают самые вкусные булочки в городе, и ты бы заглянула.

– Самые вкусные? – не поверила я. – А ты не слишком самонадеян?

– Не слишком, – сказал он. – Иначе ничего не получится.

А сам обнял меня… так за попу, к себе ближе прижимая… Многообещающе.

– Я, вообще-то, как раз за булочками и зашла, – сказала, пытаясь ему под рубашку залезть, очень вдруг захотелось его потрогать. Но в фартучке неудобно. Я фартучек на нем развязала, стянула через голову.

– Можешь любые выбирать, сколько захочешь, – сказал он. Ладони у него горячие, крепкие… когда он гладит меня – удивительно приятно. Прям замурчать хочется. Это сильнее меня.

– Заплатишь мне булочками за секс? – спросила я, приподняв одну бровь, ухмыляясь.

– Это ты мне сексом за булочки, – сказал он.

– Хм… А есть разница?

– Конечно, – сказал он. – Ты покупаешь, я продаю. Впрочем, если хочешь наоборот, то я не против.

Ишь ты, какие тонкости! Значит – я покупаю?

– Заманчиво, – согласилась, на дверь поглядывая. – А если сейчас кто-нибудь войдет?

– Не войдет.

– А там щеколда, я вижу. Закрой.

Он фыркнул мне в ухо и там, за ухом поцеловал.

Щека у него слегка колючая, щекотно.

– Сейчас закрою.

И даже не хочется вдруг его отпускать. Но к двери – совсем недалеко.

А вернувшись, садится на корточки, принимается с меня сапоги снимать.

– Что ты делаешь?

– А как ты себя это представляла? – спрашивает он. – Чтобы с тебя штаны снять, нужно сначала сапоги, а то неудобно.

И в подтверждение, закончив с сапогами, стаскивает меня со стола, ставит на пол, принимается ремень на мне расстегивать.

Продуманный такой парень, даже смешно. И я не знаю, ржать мне или дурацким соблазнениям его поддаваться.

– И сам раздевайся, – говорю я. – Рубашку снимай. Хочу тебя потрогать.

Он снова фыркает, но уговаривать себя не заставляет.

А у меня запоздало мелькает мысль, что толком не мылась три дня… но уже поздновато думать. Все. Это уже не остановить.

4

Следующим вечером я заглянула к нему снова.

Хорошенько намывшись до блеска и приодевшись даже.

Просто чтобы удостовериться, что мне это не приснилось. А то мало ли…

Пекарня была на месте и Хайме в том же фартучке с ромашками.

– Заходи, садись, – все так же довольно улыбнулся он. – Хочешь чего-нибудь? Торопишься или у тебя есть время?

Я так смотрю, работа у него тут кипит полным ходом, что-то шкварчит, жарится. Посуда немытая в раковине.

– А если тороплюсь, то как? – спросила с интересом.

Он закончил мешать и закрыл крышку на здоровенной сковороде, где тушилась капуста. Окинул меня оценивающим взглядом.

– Если торопишься, то по-быстрому.

Я и оглянуться не успела, как он оказался рядом, и р-раз… уже снова за попу меня обнимает, поглаживает.

– Что это ты делаешь? – поинтересовалась я.

– А разве ты не за этим пришла?

– А ты думаешь, меня кроме этого ничего не интересует? – пока даже не поняла, возмущаюсь или нет.

– Вообще в жизни или сейчас? – спросил он. – Вообще в жизни, тебя, конечно, наверняка интересует разное… Какие-нибудь древние руны и тайные знания, поэзия, органная музыка, может быть… Но все это не здесь. Сейчас и здесь тебя интересует вот как раз это, могу хоть голову на отсечение дать.

Зараза такая самоуверенная.

– И не боишься голову потерять?

– Нет, – он вдруг широко ухмыляется. – Уже потерял, поздно спохватываться.

И целует, свои намерения обозначая.

А-аа, как он целуется! У меня аж ноги подгибаются. И подогнулись бы, если бы он меня не держал. Так горячо, с таким чувством, словно ничего важнее этого во всем мире нет. И обнимает с тихим протяжным стоном.

И – да! Именно это сейчас. Никаких вариантов.

– А давай представим, что я тороплюсь, – тихо, чуть хрипло предложила я, когда наконец смогла выдохнуть, голос слушаться отказывался. – А потом разберемся.

Между прочим, я в юбке сегодня. Вот как раз для таких случаев.

И Хайме на мне одним движением эту юбку взял и подхватил. Его ладони по ногам скользнули… и выше…

– Ох ты… – заключил он.

Да. Между прочим, я без белья. Юбка-то длинная, все равно не видно, так что никаких приличий не нарушаю, и меньше возни.

– С тем, что мне нужно прямо сейчас, ты угадал, – согласилась я, запуская пальцы в его волосы. – Пришла еще булочек с корицей прикупить.

Он меня тут быстренько подхватил на руки и к стенке прижал. Я и опомниться не успела. Охнула только, чувствуя его в себе. Ногами его обхватила. Руками за шею. А сердце колотится так, что сейчас разорвется.

Быстро. Безумно почти. Так, словно можно не успеть, словно еще чуть-чуть и… Но мне нравится, потому что с азартом таким и с таким чувством, как еще никто и ни разу. Уди-

вительно, но мне никогда ни с кем не было так хорошо, как с ним сейчас. Этот его огонь – он без всякой магии зажигает. И хочется кричать… И стол рядом трясется, прыгают на нем кастрюльки, мне все кажется – сейчас упадут. И стоны мои, наверно, слышно за дверью, в магазинчике… и ладно бы мальчишка тот, а то ведь покупатели зайдут, услышат. Завесу бы поставить… но сейчас вообще не до того…

Да и пошло оно все…

На финальном аккорде с соседней полки падает банка и вдребезги!

Я бы вскрикнула, но я уж и без того…

Обняла его крепче, вцепилась. Заорала все же, только не так. Надеюсь, посетители это оценят.

И повисла на нем без сил.

У него рубашка на спине чуть влажная. И немного волосы на висках. Он тяжело дышит, прижавшись щекой к моей шее. Горячо. Так хорошо. Надо еще немного времени, чтобы прийти в себя.

– Там что-то разбилось, – шепнула совсем тихо.

– Ага, – согласился он, но не отпустил, только щекой еще потерся.

Я засмеялась – щекотно. А он меня в шею поцеловал.

И чуть отстранился, не отпуская. Посмотрел на меня.

Довольный такой, сытый, словно кот съевший сметану.

– У меня тут работа еще, – сказал так просто. – Хочешь, посиди тут, подожди, я закончу и… там что-нибудь придумаем. Можно погулять пойти, у вас тут, говорят, набережная красивая, фонтаны…

Работа у него стоит, вы только поглядите! Фонтаны ему!

– А ты что, не видел?

Он мотнул головой.

– Да все как-то времени не было.

– А сейчас есть?

– Найду, – он заулыбался шире. – Хочешь эля? Могу еще жареной картошки предложить. Расскажешь мне чего-нибудь… о себе, о работе. Как вышло, что ты боевым магом стала.

– Зачем это тебе?

И вот чуть кольнуло, задело. Сколько раз мне говорили, что не женская это работа.

– Просто поговорить, – он пожал плечами. – Хочешь, я что-нибудь расскажу? Но про тебя я бы послушал, интересно.

И нежно так волосы мои погладил.

– Думаешь, мне не стоило в маги идти? – спросила я.

– Думаю, стоило, – сказал он. – Каждый должен заниматься тем, что умеет и любит. Я вот пирожки пеку.

Глазками своими голубыми честными на меня смотрит. И я прям не могу оторваться от этих глаз.

Потом еще часа два я наблюдала, как он тушит капусту, жарит мясо, режет лук на начинку для пирогов, и много чего еще. Быстро, умело, успевая там помешать и там перевернуть в нужный момент. Сколько же всего нужно, чтобы завтра с утра сразу пироги налепить и поставить в печь!

Наблюдала за ним и рассказывала о себе. Как-то само выходило, легко. Не хотела говорить, а вышло.

Детство у меня было сложное. У мамки нас семеро, отец вечно пил, она с нами… справлялась кое-как. Орала с утра до ночи, мы всегда во всем были виноваты. Я убегала из дома, могла сутками не появляться, шлялась непонятно где. Тогда я злилась на мать, почти ненави-

дела, теперь понимаю, что это она от безысходности. Она умерла, когда я еще учебу не закончила, так что… Помочь уже нечем.

Денег у нас не было никогда. Никаких булочек с корицей. Хлеба и то не хватало, но… Не важно, давно прошло.

Потом у меня обнаружился дар, и я ухватилась за это, как за единственный шанс из дерьма вылезти. Боевой маг, так боевой, куда мне предложили, туда я и пошла. Не раздумывая. С радостью. Зато свобода… относительная, конечно. Но магам всегда позволено больше. И сейчас я могу себе позволить то, о чем в детстве и мечтать не могла. Жалеть точно не о чем. Теперь я леди Мирцелла, у меня свой дом, лошадь и портной, который шьет все как мне нравится по моим меркам. Нет, портной, конечно, не мой личный, но шьет хорошо.

Я всем довольна и, в общем-то, планировала всю жизнь прожить так.

Хайме слушал, кивал, делая вид, что во всем со мной согласен. Может и правда согласен, кто его знает.

В его детстве все совсем не так.

Тоже большая семья, но у отца трактир, работы всегда по горло. И они вечно, малышня, с раннего детства, при деле. Не то, что отдохнуть, иногда зевнуть было некогда. Зато научились всему, и готовить, и дела вести. На самом деле хорошо было. Семейные праздники… Отец очень строгий всегда, ничего лишнего не позволял. Наказывал, не без этого, но всегда справедливо. Потому что дури у Хайме… ну, это я и сама вижу. Зато, случись что, всегда защитить мог… в трактире-то разный народ бывает. А еще на рыбалку с отцом хорошо ходить было. Иногда, случалось, выдавались тихие спокойные деньки, когда посетителей почти не было, и тогда шли на рыбалку. Червей накопать на заднем дворе, сесть у речки, сидеть, молчать… какая-то особая магия в этом была.

Рассказывая, Хайме улыбался почти блаженно.

Хотелось слушать…

Завидно, пожалуй.

А он, между тем, закончил с капустой, перемыл всю посуду, помыл столы, полки, пол подмел и вымыл тоже. До блеска. Удивительно, сколько надо делать всего! В какой-то момент я даже дернулась, предложив ему помощь… хотя, честно, очень надеялась, что откажется. Как-то вот не люблю я полы мыть… да и не мою никогда, ко мне горничная приходит. «Нет, – сказал он. – Это моя работа. Тебе бы тоже не понравилось, если бы я полез помогать тебе болотников бить. Вот и ты сиди». И как-то очень естественно это… Разумно. Я за своим инвентарем тоже сама слежу, и если б он в мою работу полез, то я бы точно прибила на месте.

И все же…

И пока сидела, он меня картошкой с жареными колбасками накормил.

Сам еще тесто назавтра поставил подходить – три огромные кастрюли, все по-разному. Мимоходом только одну колбаску сожрал сам.

Темнеть начинало.

Мальчишка, который за прилавком стоял, домой пошел.

Погулять?

– А ты не устал? – спросила я. – Завтра, наверно, вставать рано.

– Рано, – согласился он. – Но немного прогуляться, думаю, неплохая идея.

Ладно, ему виднее. Сам хочет, так что сам и виноват, не маленький уже, чтобы я его отговаривала.

И мне хотелось.

Хайме переоделся, фартучек свой снял, рубашку надел другую. Красавец такой! Конечно, сразу видно, что простой парень, не благородных кровей, университетов не заканчивал. Но я и сама из простых… Зато на меня смотрит так, что сердце замирает.

И мы пошли.

До набережной и вдоль речки.

Целовались у фонтана, обнявшись. Говорили о разном.

Смотрели на звезды.

Просто сидели, я – положив голову ему на плечо, он – нежно поглаживая мои пальцы. Я слушала его дыхание, плеск реки, звуки ночного города… удивительно хорошо. Так просто и хорошо.

Потом он проводил меня домой.

И я даже предложила зайти… что уж, после всего, что у нас было.

– Мне, наверно, пора, – чуть смущенно сказал Хайме. – Если захочешь, приходи завтра.

– Пойдешь спать? – я усмехнулась.

Он головой покачал.

– Мне уже скоро вставать пора. Нужно замешивать тесто для утренних булочек и круассанов, чтобы все могли позавтракать с удовольствием, и день прошел хорошо.

– Ты смеешься? – я даже не сразу поверила. – Ночь на дворе.

– Иначе не успеть.

– Каждый день? Каждую ночь так?

– Каждую ночь, – согласился он. – Но чтобы поспать у меня обычно днем есть еще немного времени.

В тот момент я подумала, что – нет, у нас точно не выйдет ничего. Мы слишком разные. По-разному живем. Совсем. Он, конечно, хороший парень, но в нашей жизни совсем нет места и нет времени друг для друга. Только красть время у сна… но долго так не протянешь. Не стоит, это к хорошему не приведет.

– Я завтра, наверно, не смогу прийти, – сказала, на него глядя. – У меня важна встреча по работе.

Соврала.

– Хорошо, – легко согласился он. – Приходи, как сможешь.

Не знаю…

Может быть, стоит прекратить все это, пока не зашло слишком далеко.

Это было бы правильно. Зачем мучить себя и парня? Он себе нормальную девушку найдет… вон, какой хороший…

Хороший парень. Повезет той, кому достанется.

5

– У тебя задница вся в муке, – насмешливо фыркнул Патрик.

– Неправда! – фыркнула я в ответ, принялась отряхивать.

– Правда, – не согласился Патрик, на стуле покачиваясь. – Опять к своему выползню бегала?

– И вовсе он не выползень, – буркнула я.

– Он Хайме, повелитель пирожков! – Патрик заржал.

– Пат!

– А? – удивился он. – Пирожки у него вкусные, надо признать. А чего ты не переедешь к нему?

– Зачем?

– Чтобы пирожки всегда под рукой!

Он заржал снова, а мне так и захотелось в него чем-нибудь зашвырнуть. Но огнем, конечно, не стоит, тем более в помещении, тем более в Управлении. Поэтому я просто стул под ним, когда он качнулся в очередной раз, импульсом подтолкнула. В-шух! И Патрик грохнулся. Вверх ногами! Нечего качаться, между прочим!

– Твою ж! Мира!

– А? – не поняла я, совершенно честно на него глядя.

Между прочим, хороший боевой маг всегда должен быть готов к удару!

А Патрик он взял и… И нет! Я вот была готова, когда он щитом мне по ногам двинул. Я отпрыгнула, отбила. Стол только рядом закачался, ваза на нем затряслась и… хрясь!

Влетит нам?

Мы тут, вообще-то сидим в приемной, нового задания ждем. Нам велели зайти, сейчас инструктировать будут, рассказывать, какую пакость в этот раз подсунут.

– Это ты вазу разбила! – заметил Патрик, вставая.

Я только плечами флегматично пожала. Влетит. Ну и хрен бы с ним. А вазу спишут на производственные расходы.

– Так о чем я? – Патрик картинно щеку почесал, задумчиво. – А, ну так переехала б к нему, говорю. Чего ты парня морочишь? Он ж серьезно. Ночами не спит. Всем же спокойнее будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.